

**МИКРО- И МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ В ДЕТСКОМ И ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ***

© 2016 г. А.И. Лактионова**

***MICRO- AND MACROSOCIAL FACTORS OF THE CHILD AND
ADOLESCENTS RESILIENCE***

A.I. Laktionova

Рассматривается роль микро- и макросоциальных факторов формирования жизнеспособности у детей и подростков. Обосновывается ведущая роль такого микросоциального фактора, как безопасная (надежная) привязанность, являющаяся предиктором формирования жизнеспособности ребенка и развивающая его саморегуляцию, а также семейные условия, способствующие формированию индивидуальности и автономности ребенка. Среди макросоциальных факторов обсуждается ведущая роль системы образования и трансформации семьи как социального института. Делается вывод о том, что любое социальное влияние должно иметь своей целью формирование личностных ресурсов, а также знаний, умений и навыков, которые позволят ребенку функционировать самостоятельно и независимо.

The role of micro- and macrosocial factors of the resilience formation in the childhood and adolescent age was considered. The leading role of such microsocial factor as the safe (reliable) family attachment as a predictor of the viability

---

* Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2016-0007.

** Анна Игоревна Лактионова, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН Института психологии РАН, e-mail: apan@inbox.ru.

formation and the self-control developing, and also the family conditions promoting formation of the identity and the autonomy of the child were proved. Among macrosocial factors the leading role of an education system and transformation of a family as social institute were discussed. The conclusion that all social influences has to aim at formation of personal resources and also knowledge and skills which will allow the child to function independently was drawn.

Ключевые слова: жизнеспособность, микросоциальные и макросоциальные факторы, среда, семья, образование.

Key words: resilience, microsocial and macrosocial factors, environment, family, education.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «жизнеспособность» связано со способностью человека или группы людей развиваться вопреки дестабилизирующим событиям, трудным условиям жизни и серьезным травмам (Théogêt, 2005). С. Лютар и соавторы определяют жизнеспособность как динамический процесс, включающий в себя позитивную адаптацию в контексте значимых неблагоприятных условий жизни (Luthar et al., 2000). Дж. Шефер и Р. Моос уточняют, что адаптация проявляется в положительной динамике в одной из трех областей: социальных ресурсах, интеллектуальных ресурсах и собственно адаптационных навыках (Shaefer, Moos, 1992). Согласно литературным источникам, жизнеспособность как характеристика чаще употребляется по отношению к детям, чем к взрослым, однако ее развитие происходит на протяжении всей жизни (Luthar et al., 2000; Masten, 1994; Makhnach, Laktionova, 2005). М. Унгар показывает, что жизнеспособность одинаково зависит как от самого индивида, так и от ситуации, в которой он находится, а также от более общих условий социальной среды в целом среды (Унгар, 2016). Так, Н. Гармези выделил три фактора, определяющих позитивное развитие ребенка в неблагоприятных условиях: личные качества/черты характера; поддержка со стороны семьи; внешняя

поддержка, помогающая справиться с трудностями, в том числе за счет прививания положительных ценностей (см.: Унгар, 2016).

Представляется возможным выделить несколько уровней социального окружения ребенка и обозначить их как микро- и макросоциальные факторы развития, проявляющиеся, соответственно, в микро- и макросоциальных средах жизни. Под микросредой в настоящей работе мы понимаем самый ближний круг ребенка – его семью, под макросредой – более общие условия, к которым относятся система образования и институциональные трансформации в семье как общественном институте.

Так как среда ребенка постоянно изменяется при трансформации ее многочисленных компонентов, точнее было бы говорить о множественности сред, а в аспекте возрастного развития – об их постоянной дифференциации. Показано, что соотношение, существующее между средовыми компонентами и возрастная динамика различных психологических свойств – когнитивных характеристик и особенностей личности, а также соотношение нормальных свойств и патологии, в значительной степени определяются случайными средовыми влияниями или теми условиями жизни, которые не совпадают у близких родственников. Так именно индивидуальная, а не общая (разделенная) среда, оказывает существенное воздействие на развитие личности и интеллектуальной сферы (Егорова и др., 2004). В наших исследованиях также были получены данные о том, что в подростковом возрасте, когда идет активный процесс формирования внутренних ресурсов личности, влияние индивидуальной среды максимально, что сказывается на развитии жизнеспособности, определяющей проявления его активности и адаптивности (Лактионова, 2013а). При этом темперамент признается большинством исследователей в качестве фильтра, который в результате взаимодействия со средовыми, семейными условиями модерирует их и определяет различные способы и уровень адаптации (см.: Ковалева, 2012). Так, по данным Г.А. Виленской, чувствительность детей к средовым воздействиям различается в зависимости от типа темперамента и биологических характеристик, таких как

близнецовость/единичность и зиготность (Виленская, 2012). При этом, например, коммуникативные параметры по мере взросления утрачивают связь с генотипом и становятся более зависимыми от особенностей социального взаимодействия (Корниенко, 2010). Получены данные, что в онтогенезе изменяется роль различных факторов развития. В раннем возрасте особенно велика роль взаимодействия разделенной среды и наследственности, по мере взросления особую роль приобретает собственный опыт, в том числе связанный с развитием самооценки и навыками гибкой переоценки своего Я, активным поиском своей индивидуальной среды и способов преодоления генетических и средовых ограничений (Волочков, 2005; Феномен и категория зрелости ..., 2007; и др.).

В наших более ранних работах показано, что основными источниками жизнеспособности подростков являются такие факторы, как система взаимоотношений с ближайшим окружением и связанные с ней навыки социально-ориентированного совладающего поведения и эмоциональной регуляции (Лактионова, 2013б; 2014).

Жизнеспособность подростков, лежащая в основе их социальной адаптации, связана с субъектной активностью подростков и с индивидуальной интеграцией таких психических ресурсов адаптации, как саморегуляция, контроль поведения, совладающее поведение и психологические защиты (см. также: Крюкова и др., 2008; Стресс, выгорание, совладание ..., 2011). Если в этом возрасте жизнеспособность не опирается на внутренние ресурсы личности, а зависит только от внешних источников, то социальная адаптация достигается условно и существует до тех пор, пока существует внешняя поддержка (Лактионова 2013б;2014). Примером являются подростки, воспитывающиеся в условиях интернатных учреждений. Было выявлено, «что показатели уровня жизнеспособности и социальной адаптации у подростков-сирот, проживающих в интернатных учреждениях, выше, чем у дезадаптивных подростков, обучающихся в школе для детей с девиантными формами поведения. Это указывает на то, что в период проживания в интернатном

учреждении подростки-сироты лучше, чем дезадаптивные подростки, адаптированы к средовым условиям» (Лактионова, Махнач, 2015, с.205). Но при переходе к самостоятельной жизни такие подростки с трудом адаптировались к ее новым условиям. «Для их жизнеспособности и социальной адаптации в постинтернатный период необходимы личностные качества, которые позволят им не только справиться с трудностями, но и позитивно развиваться в будущем» (там же, с.209).

Исходя из этого, можно заключить, что семейные и социальные влияния на развитие жизнеспособности у детей и подростков должны быть направлены в первую очередь на формирование у них индивидуально-личностных ресурсов. Цель настоящей статьи - выделить основные компоненты микро и макро среды, которые являются базовыми для становления жизнеспособности в детском и подростковом возрасте.

Семья как микросоциальный фактор или микросредовое влияние

Современные исследования показывают, что одной из важнейших целей воспитания, как со стороны кровных, так и замещающих родителей является развитие саморегуляции и самоконтроля (Крайг, 2001). Так, с точки зрения Л. Сроуф и соавторов, измерение жизнеспособности является в первую очередь измерением саморегуляции (Sroufe et al., 2005). Задачами подросткового возраста являются обретение юношами и девушками определенного уровня независимости от взрослых и автономии внутри семьи, а также формирование идентичности и творческого Я (Крайг, Бокум, 2005). Джон Хилл (Hill, 1987) предложил интересный подход к проблеме поиска независимости подростками, который подразумевает принятие собственных оценок и регулирование своего поведения. Он пришел к выводу, что независимость или автономию таким образом можно определить через саморегуляцию (Hill, 1987). Жизнеспособность подростка, а затем и взрослого человека обеспечивается также его способностью к пониманию социальных отношений, включающей в себя умение понимать эмоции, мысли, намерения и поведение других людей

(Райс, Долджин, 2012). По данным П. Уайброу, у ребенка почти одновременно развивается способность понимать чувства окружающих и сопереживать им. Эта способность в более широком культурном контексте предшествует формированию самоконтроля и пониманию принципа отсроченного вознаграждения, что в дальнейшем серьезно сказывается на социальной успешности человека (Уайброу, 2016).

Каким образом семья может повлиять на развитие и становление этих качеств? Очень важна стабильная привязанность к родителям, которая дает ребенку возможность развивать базовое доверие к миру и положительную самооценку, что является основой развития независимости в дальнейшем как в отношении родителей, так других людей. Безопасная (надежная) привязанность является предиктором формирования индивидуальности и автономности ребенка (Харламенкова и др., 2015). Упорядоченная система требований и положительное аффективное отношение к ребенку способствуют формированию эффективных стратегий регуляции поведения, основанных на его ориентации на людей (Виленская, Сергиенко, 2001; Сергиенко, 2002). Нарушение эмоциональных связей в семье и, как следствие, отсутствие надежной привязанности оказывает разрушительное воздействие на всю дальнейшую жизнь человека. На основании первых важнейших связей у ребенка формируется внутренняя рабочая модель отношений – образ того, что он ожидает от окружающих, и как он к ним относится (Мэш, Вольф, 2007). Ряд исследований указывает на потенциально опасное сочетание двух факторов: 1) плохое выполнение материнских функций; 2) биологическая уязвимость младенца. Это сочетание приводит к ненадежной амбивалентной привязанности ребенка, который будет испытывать сильные страдания, вспышки гнева, а впоследствии и трудности при социальной адаптации (см.: Крайг, 2001). Качество привязанности в младенчестве является не только одним из предикторов последующей успешной эмоциональной регуляции, но и когнитивной эффективности ребенка (см.: Виленская, 2012). Это характерно не только для младенческого возраста, исследования показывают, что

эмоциональные отношения и способы взаимодействия членов семьи оказывают существенное влияние на развитие интеллекта и креативности у детей в более позднем возрасте (Дружинин, 1995; Ушаков, 2003; Тихомирова, 2009, 2012). Родители могут добиться успеха в развитии у ребенка и подростка саморегуляции, постепенно увеличивая степень их участия в принятии семейных решений. Э. Маккоби пришла к выводу, что лучше всего дети адаптированы в тех случаях, когда родители поощряют саморегулирование. Они привлекают детей к сотрудничеству и разделяют с ними ответственность (см. Крайг, 2001). Анализ, проведенный Ю.В. Ковалевой в своих исследованиях, показал, что, как правило, дети сверхконтролирующих матерей используют неадаптивные стратегии саморегуляции и совладания. Они зависят от внешней поддержки и не развивают при этом внутренний контроль. Отсутствие опыта страха и его преодоления, приводит в дальнейшем к развитию тревожных расстройств (см.: Ковалева, 2012). В свою очередь, тревожные родители могут сами избегать ситуации, вызывающие у ребенка страх, уменьшая его возможности усвоить конструктивные механизмы разрешения этих ситуаций (Венар, Кериг, 2004). Позитивное и/или сензитивное родительство способствует развитию саморегуляции у детей. Тем не менее, родители, которые слишком активно руководят детьми, затрудняют формирование у них этого навыка. Отсутствие руководства со стороны родителей также может привести к трудностям регуляции (агрессии, непослушанию, асоциальному поведению) (см.: Ковалева, 2012; Ковалева, 2009). С агрессивным и негативным поведением у детей связано и отвергающее, вмешивающееся или враждебно-контролирующее родительское поведение (Ковалева, 2012). Л. Эрон и Л. Хьюсман предполагают, что враждебность усваивается ребенком посредством моделирования. С их точки зрения, речь идет о межпоколенной передаче агрессии, так как она имеет устойчивый характер не только в пределах одного поколения, но и на протяжении нескольких поколений. Враждебность одного или обоих родителей, включающая такие качества, как агрессия, раздражительность, гнев,

влияет на возникновение поведенческих проблем у ребенка и приводит к нарушению его саморегуляции и социальной адаптации (Eron, Huesmann, 1990).

Доброжелательное отношение к ребенку и подростку оказывает значительное влияние на развитие у него чувства собственного достоинства и самоуважения, являясь источником постоянной поддержки, спокойной, взвешенной оценки их качеств, что в совокупности обеспечивает базовое чувство безопасности, снижает чувство тревоги, возникающее в новых и стрессовых ситуациях (см.: Тарабрина, Журавлев, 2012; и др.). Такие отношения создают поддержку, способствующую развитию саморегуляции. Д. Баумринд выделила три различных стиля контроля в семье: авторитарный, авторитетный и либеральный. Она обнаружила, что результатом авторитарного управления является рост сопротивления или зависимости. Обе эти крайности ослабляют процесс социализации (Baumrind, 1980). Наше исследование также показало, что авторитарная, гиперопекающая семья не способствует проявлениям жизнеспособности и социальной адаптации юношей и девушек (Лактионова, Махнач, 2010). В ряде исследований продемонстрировано, что дети, выросшие в семье с авторитетным стилем воспитания, являются жизнеспособными и лучше всего адаптированы в социуме. По сравнению с другими, они более уверены в себе, полностью себя контролируют и социально компетентны, со временем у них развивается высокая самооценка (Baumrind, 1980).

В процессах саморегуляции подростка и взрослого человека значительную роль играют убеждения, которые сформировались у них относительно себя и мира в целом. Так, наши исследования показали, что у дезадаптивных подростков и у подростков-сирот основной личностной характеристикой, отрицательно сказывающейся на жизнеспособности, является негативное отношение к другим людям (Лактионова, 2013б; 2014; Лактионова, Махнач, 2015).

Для того чтобы реализовать все вышеперечисленные задачи, семья также должна характеризоваться определенным уровнем жизнеспособности.

Концепция жизнеспособности семьи рассматривает каждого ее члена как потенциальный ресурс для семьи в целом, который увеличивает жизнеспособность семьи как функциональной единицы (Walsh, 2003). А.В. Махнач и Ю.В. Постылякова в определении жизнеспособности семьи опираются на функционально-динамический принцип, при котором жизнеспособность семьи рассматривается как ее способность к управлению собственными функциями, процессами (совладания, восстановления и пр.), базирующимися на ресурсах семьи, внешних и внутренних защитных факторах (Махнач, Постылякова, 2012, 2013; Махнач, 2012; Постылякова, 2015). Неблагополучная семья снижает жизнеспособность как отдельных членов семьи, так и всей семьи в целом и предрасполагает человека к хроническому стрессу и невозможности совладания с ним (Зуев, 2015; Ковалева, 2013; Rodgers, 1998;). Роль семьи как фактора жизнеспособности человека прослеживается на протяжении всей его жизни. Так, исследования показывают, что эмоциональная близость между членами семьи и умение поддерживать отношения с поколением прародителей на протяжении всей жизни является мощным предиктором жизнеспособности человека (см.: Махнач, 2013, 2016). Взаимоотношения в кругу близких людей позволяют человеку вновь обрести веру в себя при стрессовых и травматичных обстоятельствах. Исследования показывают, что люди, находящиеся в браке, более жизнеспособны, более здоровы физически и живут дольше; разведённые люди меньше удовлетворены жизнью, уязвимы к факторам риска, смертность у них также выше (см.: Махнач, 2014, 2016).

Подход к изучению жизнеспособности семьи в русле теории экологических систем У. Бронфенбреннера (Bronfenbrenner, 1979) предполагает рассмотрение факторов риска и защитных факторов, влияющих на функционирование семьи в рамках четырех контекстов: социум, культура, индивидуальные характеристики каждого члена семьи и семейные ресурсы.

При рассмотрении социального контекста следует, в первую очередь, учитывать уровень социальной адаптации семьи и ее членов (см.:

Психологические проблемы семьи..., 2012; и др.). Так как для того, чтобы родители могли развивать в ребенке и подростке необходимые ему качества, воспитывать в нем жизнеспособность и социально адаптировать его, они должны сами обладать этими личностными характеристиками и быть социально адаптированными (Лактионова, 2015б). Шире, способность родителей к психической адаптации является решающей для психологического развития и социальной адаптации ребенка (Егорова и др., 2004). Э. Мэш и Д. Вольф, анализируя различные исследования, отмечают, что в управлении поведением и адаптацией детей важную роль играют способы, которыми семья как единое целое справляется с типичными и нетипичными стрессами. При этом стресс способствует изменению, развитию и реорганизации семьи, а его исход зависит от качества функционирования семьи до стресса, семейных ресурсов и навыков преодоления трудностей (Мэш, Вольф, 2007, с. 64).

Макросоциальные факторы жизнеспособности подростка и семьи или макросреда влияния

П. Уайброу, анализируя социальные влияния, пишет о том, что поведение человека – это постоянно совершаемый выбор им тех или иных действий. Он предлагает анализировать эти выборы с позиций эволюционной биологии, учитывая при этом личностные качества человека и экономические условия, в которых он живет, в частности рыночные отношения. Автор показывает, что мерой жизнеспособности нации в целом стал уровень потребления (Уайброу, 2016), хотя существуют и другие позиции по этому вопросу (Ушаков, Журавлев, 2009; и др.).

Ученый пишет об американском обществе, но представляется, что речь идет об универсальных социальных процессах. Влияние семьи и общества на жизнеспособность ребенка и подростка подразумевает обсуждение процессов, происходящих в конкретном обществе, направлений, в которых изменяется институт семьи, ее экономические и культурные ценности. Т.В. Дробышева, анализируя ряд исследований, говорит о нарастающем кризисе института

семьи. Она показывает, что современные условия развития российского общества, отличающиеся экономической нестабильностью, проблемами, связанными с реформированием социальной сферы, снижением качества жизни населения, высокой напряженностью внешнеполитических отношений и т.п., приводят к изменениям в жизнедеятельности современной российской семьи. Это отражается на высокой мотивации достижений молодых родителей, в первую очередь, в экономической и социальной сфере; их занятости; особенностях структурирования свободного времени; отсутствии семейных традиций и праздников (они замещены государственными и религиозными) и т.п. Изменения влияют на статусно-ролевые отношения супругов, детско-родительские и межпоколенческие отношения (Дробышева, 2015). Тот факт, что уровень потребления становится основным показателем успешности, приводит к тому, что социальное сравнение в результате способствует возрастанию количества депрессий, психосоматических и других личностных расстройств, то есть нарушению процессов, так или иначе связанных с саморегуляцией у самих родителей. В результате снижается их возможность развивать саморегуляцию у детей. Особую роль при этом играет материнская депрессия. Она может быть связана с появлением таких расстройств у ребенка, как синдром дефицита внимания с гиперактивностью, тревога, злоупотребление наркотическими веществами, булимия и т.д. (Венар, Кериг, 2004). Депрессия матери может вызывать у ребенка чувства родительской некомпетентности и провоцировать его на антисоциальные поступки, что, в свою очередь, усиливает материнскую депрессию (Мэш, Вольф, 2007). Таким образом, социальные условия снижают жизнеспособность семьи и отдельных ее членов.

Во многих исследованиях была показана важность положительной самооценки в отношении жизнеспособности и социальной успешности человека. Но формирование высокой самооценки и представлений о равенстве возможностей (что не соответствует ни биологическим, ни социальным условиям развития) приводит к серьезным последствиям. Так, Дж. Твенге в

книге «Поколение Я: почему сегодняшние молодые американцы более, чем когда-либо в прошлом, уверены в себе, напористы и убеждены в том, что у них много прав, и в то же время – так несчастны» (см.: Егорова, Ситникова, 2014) говорит о том, что результатом ориентации целого поколения психологов и педагогов на поддержание высокой самооценки у детей и подростков является сочетание у нового поколения, с одной стороны, больших ожиданий, высокой требовательности, уверенности в себе, пренебрежения к окружающим, а с другой – всего того, что бывает при столкновении неадекватной самооценки с реальностью: низкой продуктивности, оценки себя как неудачника, неспособности преодолевать трудности и общего чувства собственной незначимости. Было показано, что росту самооценки у старших школьников сопутствует снижение уровня компетентности (см.: там же). Г. Шаброл с соавторами показывает, что на фоне рассогласования самооценки и реальности, при пренебрежительном отношении к окружающим, формируются личностные свойства, направленные на защиту благоприятной Я-концепции. Это приводит к усилению нарциссического радикала, который вносит свой вклад в отклоняющееся поведение подростков (см.: там же). К таким свойствам, в частности, относятся эмоциональная холодность и использование других людей, приводящие к психологическому насилию во взаимоотношениях. И.А. Курапова указывает на то, что юношеский возраст составляет группу риска по развитию и закреплению макиавеллизма как черты личности (В.В. Знаков, Л.И. Рюмшина). Причиной этого является нарастание тенденций манипулятивного поведения и жесткой конкуренции в социальной среде. Это сказывается на процессе и результате формирования личности в юношеском возрасте, когда мировоззрение должно приобрести устойчивость, вырабатываются ценностные ориентации и идеалы (Курапова, 2015).

Ситуацию осложняют ориентиры, существующие в системе образования, которые фактически формируют у молодых специалистов конкурентные качества, нередко даже в ущерб их профессиональной компетентности. Так существует такой тип задач, например, при обучении программистов: если

задание выполнено неверно, программа не указывает ошибку, найти ее надо самостоятельно. Каждая последующая попытка приводит к снижению баллов за выполненное задание. В результате, для студентов становится выгоднее списать это задание и не допустить ошибки, а не приобрести необходимые профессиональные качества.

П. Уайброу приводит данные международной консалтинговой компании McKinsey, которая в 2007 г. провела исследование 25 наиболее эффективных систем школьного образования в мире. Результаты позволили заключить, что наибольшее значение имеют три фактора: во-первых, привлечение лучших людей к преподавательской работе; во-вторых, поддержка их постоянного профессионального роста; в-третьих, обеспечение доступности качественного образования для всех детей вне зависимости от обстоятельств. Именно на этих принципах построена образовательная система в Финляндии, которую журнал «The Atlantic» назвал «правлящей образовательной супердержавой Запада». Финляндия отличается от других стран не только высокими средними баллами учащихся, но и тем, что разброс индивидуальных результатов в ней очень невелик, что доказывает возможность стабильно высоких показателей во всех социально-экономических группах. Это достигается за счет того, что финская образовательная система соответствует всем трем компонентам триединой формулы McKinsey. В финской школе практически отсутствует конкурентная модель с постоянным тестированием и стремлением к максимальным достижениям. Занятия построены на креативном, игровом взаимодействии с окружающим миром. В результате у учащихся наблюдается низкий уровень стресса, а упор на прочные личные контакты учеников и учителей приводит к тому, что и те, и другие получают удовлетворение от обучения. Именно личная связь между школьниками, доверяющими учителям, и увлеченными преподавателями обеспечивает хорошую успеваемость и ответственность, развивая характер и способности к личному росту у учащихся. В результате у учащихся формируются способности к мышлению и коммуникации, которые являются необходимыми социальными навыками (Уайброу, 2016).

В России проблема школьного обучения сопряжена с такой острой проблемой, как детский суицид. «...По данным государственной статистики, количество детей и подростков, покончивших с собой, составляет 12,7 % от общего числа умерших от неестественных причин. ... От самоубийств ежегодно погибает около 2800 детей и подростков в возрасте от 5 до 19 лет, и эти страшные цифры не учитывают случаев попыток к самоубийству» (О мерах по профилактике..., 2000). Анализируя причины этого явления, Л.А. Регуш отмечает в первую очередь боязнь насилия со стороны взрослых в семье и школе, а также профилактику этой проблемы, которая не ориентирована на потребности конкретного ребенка. Опасность представляет также уровень требований того или иного учебного предмета или учителя, не учитывающий возможности ученика. Автор показывает, что за последние 30 лет в содержании обучения происходит в основном повышение сложности теоретического материала, ускорение темпов его преподавания, увеличение объема информации, что делает недоступным усвоение материала для многих школьников. В результате у ребенка возникает внутренний конфликт, базирующийся на противоречии между потребностью в самоуважении, самопринятии и одобрении и низкими учебными достижениями, формируются школьные страхи и тревоги. Угрозу представляет также нарушение межличностных отношений между учителем и учеником, углубляемое тем, что ученики не видят связи между тем, чему нужно учиться, и возможностью использования этого в своей жизни. В результате процесс обучения кажется им бессмысленным, порождая пассивность, скуку и бессилие что-либо изменить (Регуш, 2015). На важность отношений в школе с учителями, одноклассниками, старшими и младшими школьниками, влияющими на социальные результаты образования, указывают также А.Л. Журавлев и его соавторы (Журавлев и др., 2013; Ушаков, Журавлев, 2009).

Исследования показывают, что психологически небезопасная образовательная среда, в которой возможны насилие и унижение, как среди

детей и подростков, так и между педагогами и школьниками, сама по себе может порождать различные негативные явления.

Жизнеспособность является важным ресурсом развития ребенка и подростка, однако, взаимосвязь жизнеспособности подростков и их социальной адаптации не является однозначной. Адаптация к различным условиям среды предполагает различное поведение (см.: Психология адаптации ..., 2007; и др.), и не всегда оно будет социально приемлемым. Так адаптация к асоциальной среде, в которой жестокость является нормой существования, будет препятствовать возникновению просоциального поведения (Лактионова, 2013б; 2014). Различные исследования показывают, что социализация детей в агрессивной среде обуславливает высокую вероятность такого же поведения, «структурные характеристики общества предоставляют фон для возникновения проблем поведения, когда создают условия в обществе, мешающие усвоению социальных норм и развитию продуктивных социальных взаимоотношений» (Мэш, Вольф, 2007, с. 199). Наше исследование также выявило, что ни субъективное чувство принадлежности к большой группе, ни участие в организованной религиозной деятельности, не помогает старшеклассникам лучше понимать свои сильные стороны и не является фактором жизнеспособности (Лактионова, Махнач, 2010). Для молодых людей важно в большей степени понимание и любовь близких, справедливость общества и семьи. Общество является ресурсом жизнеспособности для подростков только *при условии* уважительного отношения. С точки зрения С. Ваништендаля, «...социально поддерживающая среда, безоговорочно принимающая ребенка как личность», относится к одному из важнейших аспектов развития жизнеспособности ребенка (Ваништендаль, 1998, с. 9). Именно такие условия развития предполагает психологически безопасная образовательная среда. Особенно это важно для детей и подростков из неблагополучных семей и подростков-сирот, негативное отношение которых к другим людям, согласно полученным нами данным, снижает их жизнеспособность и мешает им

социализироваться (Лактионова, 2013, 2014; Махнач, Лактионова, 2013; Лактионова, Махнач, 2015).

Школа могла бы играть значительную роль в социализации детей и подростков, особенно в условиях неблагоприятной семейной ситуации. Влияние школы, педагогического коллектива, непосредственного школьного окружения таково, что способно перекрыть влияние семьи и существенно изменить заложенные в ней основы формирования личности (Слободчиков, 2007). Именно в школе дети и подростки проводят большую часть своего времени, где они находятся под влиянием учителей и сверстников. Уровень полученного в школе образования во многом определяет дальнейшее направление профессионального обучения, соответствующее их интересам и способностям. Но, к сожалению, основной проблемой современной российской школы является отказ от воспитания учащихся. За редким исключением школа практически не ставит перед собой таких целей (Лактионова, 2015а). Журавлев и соавторы показывают, что «по замыслу школа должна формировать менталитет, на практике же она формирует предметные знания и умения...не только образование в нынешнем виде, но и его идеальные цели, зафиксированные во ФГОСах, не выполняют этой функции по той простой причине, что вектор должного развития менталитета в нем не определен» (Журавлев и др., 2013, с. 20).

Таким образом, социальное влияние, которое должно иметь своей целью развитие личностных ресурсов, а также знаний, умений и навыков, которые позволят молодым людям в дальнейшем самостоятельно развивать собственную активность, на деле формируют у них зависимость и беспомощность или, что хуже, иждивенческую позицию «мне должны». Все это в дальнейшем приводит к осознанию себя, как неудачника, неуверенного в собственных силах и способностях справляться с будущими проблемами и, как следствие, серьезным профессиональным и личностным проблемам (Дикая, 2015; Дикая, Ермолаева, 2010).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так как жизнеспособность является ключевым фактором способности детей и подростков справляться с трудностями и выживать в условиях неблагоприятных жизненных обстоятельств (Grotberg, 1995), содействие развитию их жизнеспособности является необходимым элементом процесса *воспитания*. Для реализации социальных воздействий необходимо четко ставить перед собой цели воспитания и перевоспитания и отчетливо понимать, каким образом этих целей можно достичь. При этом очень важно, чтобы средовые воздействия были целенаправленными и согласованными и оказывали влияние на все «содержание личности». А.С. Макаренко считал, что «Диалектичность педагогического действия настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не контролируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним. Человек не воспитывается по частям, он создается синтетически всей суммой влияний, которым он подвергается. Поэтому отдельное средство всегда может быть и положительным и отрицательным, решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных» (Макаренко, 1946, с. 38).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ваништендаль С.* «Резильентность», или оправданные надежды: Раненный, но непобежденный. Женева: Vice, 1998.
- Венар Ч., Кериг П.* Психопатология развития детского и подросткового возраста. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
- Виленская Г.А.* Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.480-508.
- Виленская Г.А., Сергиенко Е.А.* Роль темперамента в развитии регуляции

поведения в раннем возрасте // Психологический журнал. Т.22. №3. 2001. С.68-85.

Волочков А.А. Взаимодействие активности субъекта, генетического и средового факторов в психическом развитии // Полисистемное исследование индивидуальности человека / Под ред. Б.А. Вяткина. М.: ПЕР СЭ, 2005. С.113-142.

Дикая Л.Г. Профессиональное выгорание и безопасность труда в социально-ориентированных профессиях // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. №.3 (47). С.43-52.

Дикая Л.Г., Ермолаева Е.П. Нравственные проблемы профессиональной деятельности // Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С.361-380.

Дробышева Т.В. Образ отца в представлениях детей с разными условиями ранней социализации в семье // Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2 / Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.58-67.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. М.: Лантерна-Вита, 1995.

Егорова М.С., Зырянова Н.М., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. Генотип. Среда. Развитие. М.: ОГИ, 2004.

Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т.7 (38). С.12. [Электронный ресурс] / URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения:12.06.2016).

Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета// Психологический журнал. Т.34. № 6.2013. С.5-25.

Зуев К.Б. Стабильность семьи: определение понятия и перспективы исследований // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2015. №3. С.34-39.

Ковалева Ю.В. Изучение субъектной регуляции поведения с позиций психологии коллективного субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А.Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С.466-482.

Ковалева Ю.В. Роль семейной среды в становлении регуляции поведения // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.509-528.

Ковалева Ю.В. Совместная регуляция поведения супругов в семье в различных актуальных жизненных ситуациях // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С.417-437.

Корниенко Д.С. Генетические и средовые факторы в свойствах формально-динамического уровня интегральной индивидуальности // Психологический журнал. 2010. Т.31. №2. С.58-65.

Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2001.

Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005.

Крюкова Т.Л., Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Основные направления психологических исследований совладающего поведения (вместо предисловия) // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С.7-19.

Курапова И.А. Макиавеллизм в юношеском возрасте: особенности личности с позиции психологической безопасности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. №3(47). С.98-103.

Лактионова А.И. Жизнеспособность как ресурс социальной адаптации у подростков // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С.232–253(б).

Лактионова А. И. Структурно-уровневая организация жизнеспособности как метаспособности // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С.109-127(а).

Лактионова А.И. Формирование жизнеспособности подростков // Психология человека и общества: научно-практические исследования / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С.224-247.

Лактионова А.И. Влияние образовательной среды на развитие социальной адаптации и жизнеспособности старшеклассников // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. №.3(47). С.24-32(а).

Лактионова А.И. Особенности эффективной замещающей семьи, воспитывающей подростка-сироту // Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2 / Под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.225-242.

Лактионова А.И., Махнач А.В. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.193-223(а).

Лактионова А.И., Махнач А.В. Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // Социальная психология труда: теория и практика. Т.1 / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С.459-477.

Макаренко А.С. Избранные педагогические произведения. М.: Учпедгиз, 1946.

Махнач А.В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т.33. №6. С.84-98.

Махнач А.В. Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С.54-83.

Махнач А.В. Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. №.3(43). С.67-75.

Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Махнач А.В., Постылякова Ю.В. Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.529-550.

Махнач А.В., Постылякова Ю.В. Модель жизнеспособности семьи // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С.438-460.

Мэш Э., Вольф Д. Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.

О мерах по профилактике суицида среди детей и подростков: письмо Министерства образования РФ от 26.01.2000 г. № 22-06-86 (к пп. 81–83) [Электронный ресурс] / URL: <http://www.websib.ru.education/psycho/letter7.htm> (дата обращения: 12.06.2016).

Постылякова Ю.В. Индивидуальные и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.459-477.

Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. 12-е издание. СПб.: Питер, 2012.

Регуш Л.А. Возможности предупреждения кризисных ситуаций в образовательной среде // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. №.3(47). С.11-14.

Сергиенко Е.А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С.270–310.

Слободчиков И.М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. №3. С.27-35.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Тарабрина Н.В., Журавлев А.Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия)// Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.5-21.

Тихомирова Т.Н. Средовая программа исследований детерминации способностей // Психологические исследования. Вып.4 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С.208-219.

Тихомирова Т.Н. Психологические механизмы взаимосвязи социальных факторов с развитием интеллекта и креативности // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.315-337.

Уайброу П. Мозг: Тонкая настройка. Наша жизнь с точки зрения нейронауки. М.: Альпина Паблицер, 2016.

Унгар М. Ситуативные и культурные аспекты жизнеспособности подвергавшихся жестокому обращению и брошенных детей // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016 (в печати).

- Ушаков Д.В.* Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5-13.
- Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К.* Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Baumrind D.* New direction in socialization research // *American Psychologist*. 1980. V.35. P.639-650.
- Bronfenbrenner U.* The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1979.
- Eron L.D., Huesmann L.R.* The stability of aggressive behavior – even unto the third generation // *Handbook of developmental psychopathology: Perspectives in developmental psychology* / M. Lewis, S.M. Miller (Eds.). New York: Plenum Press. 1990. P.147-156.
- Grotberg E.H.* A guide to promoting resilience in children: Strengthening the human spirit. From the Early Childhood Development: Practice and Reflections series. The Hague: The Bernard van Leer Foundation, 1995.
- Luthar S.S, Cicchetti D., Becker B.* The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V.71(3). P.543-562.
- Masten A.S.* Resilience in individual development: successful adaptation despite risk and adversity // *Educational Resilience in inner-city America: challenges and prospects* / M.C. Wang, E.W. Gordon (Eds.). Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P.3-25.
- Makhnach A., Laktionova A.* Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family // *Handbook for working*

with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks-L.-New Delhi: Sage Publications, Inc. 2005. P. 371-386

Rodgers A.Y. Multiple sources of stress and parenting behavior // *Children and Youth Services Review*. 1998. V.20. №6. P.525-546.

Shaefer J.A., Moos R.A. Life crisis and personal growth // *Personal coping: theory, research and application* / Ed B.N. Carpenter. Westport, CT: Praeger, 1992. P.149-170.

Sroufe L.A., Egeland B., Carlson E., Collins W.A. The development of the person: The Minnesota study of risk and adaptation from birth to adulthood. New York: Guilford Press, 2005.

Théorêt M. La résilience, de l'observation du phénomène vers l'appropriation du concept par l'éducation // *Revue des sciences de l'éducation*, 2005. V.31. №3. P.633-658.

Walsh F. A family resilience framework // *Family Process*. 2003. V.42. P.1-18.